

Роман РАБИНОВИЧ

Проблема присутствия Галицкой Руси в Карпато-Днестровских землях в 1140-1240 гг.

Возможно, кого-то удивит даже сама постановка вопроса о галицком присутствии в Карпато-Днестровских землях в период, ограниченный датами первого упоминания Галича в русских источниках и монгольского нашествия на юго-запад Восточной Европы. Действительно, в непосредственной близости от территории современной Молдовы в обозначенный период появляется мощнейший культурно-исторический феномен - Галицкое княжество, наследник Киевской Руси в этом регионе, а мы, заявляя подобную тему, как бы ставим под сомнение реальность подобного присутствия. На самом деле, для историка или археолога, занимающегося проблемами Карпато-Поднестровья, учитывая характер и состав источниковедческой базы ее исследования, это проблема, которая вряд ли будет достаточно бесспорно решена в ближайшее время.

Есть несколько аспектов данной проблемы, которые, к сожалению, иногда смешиваются в историографии. Они следующие:

1. Политическая власть и политическое влияние Галицкого княжества на Карпато-Днестровские земли. Политико-административное господство Галича над этим регионом не обязательно должно было сопровождаться значительным влиянием культурным или пребыванием здесь значительных масс собственно галицкого населения. Основные источники для решения проблемы в этом аспекте – письменные;

2. Культурное влияние Галицкой земли на Карпато-Днестровские земли. Его проявление не обязательно должно было сопровождаться постоянным или эпизодическим политическим господством Галича или непосредственным присутствием в регионе галицкого населения. Главные источники для решения проблемы в этом аспекте – археологические;

3. Пребывание галицкого населения на территории региона в указанный период. Его пребывание не означает обязательного постоянного или эпизодического политического господства Галича в этом регионе. Источники – письменные, археологические и, возможно, этнографические.

В данной работе, ограниченный объемом, я рассмотрю только первый аспект.

Проблема политического господства Галицкой Руси в Карпато-Днестровских землях. Этот вопрос часто рассматривается более узко: входило ли Карпато-Поднестрие в государственную территорию Галицкой Руси, или, другими словами, достигало ли своими границами Галицкое княжество Дуная. Естественно, подразумевается, что если указанная граница проходила по Дунаю, то соответственно и Карпато-Днестровские земли входили в состав Галицкой земли. При этом вопрос о соотношении границ в этом регионе с другими соседствующими с ним политическими образованиями – Болгарией (после 1185 г.), Византией (до 1185 г.), Венгрией решается довольно просто. Если границей Руси признается Дунай, то автоматически этот водный рубеж становится византийско-русской границей (Тихомиров 1947: 153-167; Пашуто 1950: 169; 1968: 207-208; Литаврин 1972а: 43-44). Если исследователи полагают, что границы Галицкой Руси в этот период не достигают Дуная и низовьев Днестра, то подразумевается, что ее владения граничат или непосредственно с Куманией (Шушарин 1972: 196-170), или с «нейтральной» в политическом отношении полосой, отделяющей их от кочевников (Котляр 1985: 98-109, 112-113). Авторы, которые признают роль Руси в Карпато-Днестровских землях в XI-XII вв. незначительной или вовсе отвергают ее, столь же автоматически отдают доминирующую роль Византии (Spinei 1985: 79-80; 1986: 45-47; Diaconu 1976: 293-307; 1978: 98; Frances 1959: 50-62).

Необходимо сразу же заметить, что данные письменных источников о славянском населении в тех или иных районах левобережья Нижнего Дуная учеными рассматриваются часто как свидетельство власти Галицкого государства. Это происходит и потому, что не всегда из контекста сведений письменных источников ясно, что скрывается за этногеографическим или этнополитическим термином. Например, слово «Русь» несет этническое содержание, то есть означает присутствие русского населения или непосредственное подчинение этой территории русскому княжеству. Исследователи зачастую не учитывают и другое. Например, подчинение городов по Дунаю или в низовьях Днестра вовсе не оз-

начает власти над более обширными районами или Карпато-Днестровским регионом в целом.

Ситуация политического подчинения или политической принадлежности Карпато-Поднестровья обычно рассматривается в плане силового единоборства Руси и кочевников.

Южную степную часть региона кочевники в лице печенегов прочно контролируют с середины X в. (сведения Константина Багрянородного и Бруно Кверфуртского о кочевьях четырех печенежских колен западнее Днепра, некоторые из которых граничат с Венгрией и Болгарией) (Константин Багрянородный 1991: 155-157; Латиноязычные источники 1989: 45-56).

В последней четверти XI в. половцы впервые пересекают Днестр (Добролюбский 1985: 193), с 1078 г. о них впервые говорят византийские источники (Атталиат, Скилица) как об участвующих в военных действиях на правобережье Дуная (Васильевский 1872: 147). Итак, с конца XI в. половцы в письменных источниках фиксируются в нижнедунайской области. Вопрос о пребывании половцев в Карпато-Днестровских землях сложен и из-за неопределенности письменных источников, и из-за недостаточно хорошей археологической изученности кочевнических памятников в этом регионе. Необходимо подчеркнуть, что исследователями часто смешивается понятие Половецкого поля и даже Половецкой земли как области политического господства и контроля половцев и как области их постоянных непосредственных кочевий.

По В.П. Шушарину, Кумания охватывала Карпато-Днестровские земли уже к 80-м гг. XI в. Причем сам же приводит известие Рубрука, утверждающего, что Кумания - это область между Доном и Дунаем (Шушарин 1972: 169). О непрерывном присутствии половцев на Дунае с конца XI в. пишут П. Диакону (Diaconu 1978: 35-119), К.В. Кудряшов и Г.А. Федоров-Давыдов (Кудряшов 1948: 31; Федоров-Давыдов 1966: 147). Ф. Успенский и В. Спинеи говорят об активизации половцев и о распространении их постоянных кочевий вблизи Дуная с середины XII в. Но и В. Спинеи считает, что периодически половцы появлялись в этом районе с конца XI в. (Успенский 1879: 81-84; Spinei 1974: 391; 1994: 42-46). П.Ф. Параска полагает, что постоянных половецких кочевий в Дунайско-Днестровской области вплоть до конца XII в. не было, и что в походах через Дунай участвовали исключительно поднепровские половцы. Союзниками Ивана Берладника при осаде последним города Ушицы, как считает исследователь, были не дунайские половцы а дикие половцы верховьев Южного Буга (Параска 1981: 13-14). И.Г. Коновалова, анализируя письменные визан-

тийские и арабские источники, приходит к выводу, что кочевое тюркское население до середины XII в. в Днестро-Дунайском междуречье было чересчур малочисленным, чтобы претендовать на политическое преобладание в этом районе (Коновалова 1991: 56).

Любопытно, что письменные источники дают возможность судить если не о постоянном пребывании половцев в Карпато-Поднестровье, то, по крайней мере, о политическом контроле над этим регионом, тогда как археологические источники совершенно не подтверждают первое и практически не дают возможности поддержать второе суждение¹.

Некоторые исследователи, рассматривая международную политическую роль Галицкого княжества, вольно или невольно предполагают некоторую преемственность от Киева к Галичу во владении Подунавьем и Поднестровьем. Но резонно встает вопрос, а владело ли Дунай-Днестровским регионом Киевское государство в период своего ослабления и раздробленности и усиления позиций кочевников в северопричерноморских степях.

Упомянем известные нам сведения из источников, которые могут относиться к решению этого вопроса:

- Обстоятельства последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. (сведения русской летописи и византийского автора Михаила Пселла) (ПВЛ 1950: I,103-104; Михаил Пселл 1978: 95-97, 282). Данные свидетельства ни в коей мере не доказывают политическую принадлежность указанного района Киевской Руси, но могут предполагать наличие в нем восточнославянского или просто оседлого населения;

- Эпизод из сочинения Михаила Атталиата, относящийся к 1064 г., о князе «мирмидонов», который расселял узов по своим городам. По мнению В. Васильевского и других ученых, «мирмидонами» могло быть только русское население левобережья Нижнего Дуная (Васильевский 1872: 140-141; Лев Диакон 1988: 78-79);

- Известие «Повести временных лет» под 1069 г. о возможности киевлян «вступить в Греческую землю» (ПВЛ 1950: I,116);

- Сообщение Анны Комниной под 1086 г. в кн.6 гл.14 «Алексиады» о скифах, которые «возделывали землю и сеяли просо и пшеницу...» (Анна Комнина 1859: 309-310; см. также Анна Комнина 1965: 529; Васильевский 1872: 305; Насонов 1951: 139; Федоров 1974: 119).

- Сообщение Анны Комниной о походе императора Алексея I Комнина (в интервале 1087 - 1090 гг.) против печенегов «рядом с Русью» на левобережье Дуная.

- Сообщение Анны Комниной о походе императора Алексея I

Комнина в 1091 г., когда «пятитысячный отряд обитателей более горных стран», пришедший вместе с половцами с левого берега Дуная, перешел на сторону императора (Анна Комнина 1859: 376-384; Насонов 1951: 140; Васильевский 1872: 282-283);

- Известное из летописи желание теребовльского князя Василько Ростиславовича (1097 г.) «перейти болгары дунайские и посадити я у собе» (ПВЛ1950: I,176).

- Знаменитый летописный эпизод 1116 г., когда Владимир Мономах посадил своих посадников в подунайских городах, эпизод, который так любят привлекать некоторые историки в плане доказательств силы Русского государства на Нижнем Дунае еще в начале XII в. (ПВЛ 1950: I,201; ПСРЛ 1962: II, 283-284).

Данное сообщение неизменно трактовалось как свидетельство того, что, несмотря на все неблагоприятные политические моменты, власть Древнерусского государства над Карпато-Поднестровьем в первой половине XII в. сохранялась и была даже сравнительно прочной (Федоров 1970: 701-702; Левченко 1956: 197-199). Среди современных исследователей наметился, как мне кажется, и более реалистичный подход в оценке этого события. И.О. Князький отмечает, что «занятие русскими ряда городов Нижнего Подунавья в начале XII в. оказалось непродолжительным» (ИМ: I,250). Также считает Н.Ф. Котляр. По его мнению, «Лев был слабосильным и малозаметным претендентом на византийский престол, а утверждение войска Мономаха на Дунае - лишь мимолетным эпизодом в русско-греческих отношениях. Характерно, - пишет Н.Ф. Котляр, - что Анна Комнина, главный и чрезвычайно подробный источник Византии того времени, даже не упоминает об этих событиях» (Котляр 1985: 116). Добавим, что и русская летопись скупо сообщает об этих событиях, перечисляя их среди других событий этого года и явно не придавая им большого значения. В определении этого эпизода можно согласиться с мнением В.Б. Перхавко - это была скорее попытка Владимира Мономаха закрепиться на Дунае (Перхавко 1996:70), чем реальное свидетельство его власти над этим регионом.

- Сообщение византийского автора Иоанна Киннама применительно ко времени императора Мануила I Комнина (1143-1180) (датировка и интерпретации этого события дискуссионны) о переселении славянского населения в придунайские византийские пределы «одного из владетелей Тавроскифии Владислава» (Киннам 1859: 262; мнения см: Перхавко 1996: 73-74; Коновалова, Перхавко 2000: 77, 94; Рабинович 1999: 373-374; Тельнов, Степанов, Русев, Рабинович 2002: 180-182).

- Сюжеты о «рутенских приморских областях» и «равнинной стране печенегов и фалонов» в сочинениях германского средневекового автора Оттона Фрейзингенского (1114-1158) (Латиноязычные источники 1990: 289-293, 299, 302, 304).

- Полное отсутствие наименований политических образований применительно к Карпато-Поднестровью на карте и в тексте сочинения арабского сицилийского географа ал-Идриси (Коновалова 1991: 56; Рыбаков 1952:44).

Соотнося известия византийских и древнерусских авторов, Оттона Фрезингенского и ал-Идриси, можно предполагать, что в конце XI - начале XII в. на южной кромке Карпато-Днестровских земель в причерноморской береговой полосе от устья Днестра и до устья Дуная проживало оседлое русское по происхождению население, которое в отдельные периоды и могло быть подвластно Руси. Но севернее нижнего течения Дуная в глубине Карпато-Днестровских земель начиналась «ничейная» в политическом отношении земля - своеобразная «полоса отчуждения» ал-Идриси, не принадлежащая Руси и, следовательно, находившаяся в зоне политического господства, а может и непосредственного кочевания номадов. Все приводившиеся свидетельства ни в коей мере не доказывают политическую принадлежность Карпато-Днестровского региона Киевской Руси. Они всего лишь предполагают или могут предполагать наличие восточнославянского, а иногда и просто оседлого населения в Днестро-Дунайском регионе. Поэтому говорить о преемственности и переходе власти над Карпато-Днестровскими землями от Киева к Галичу не приходится.

Обратимся к данным источников, относящимся уже к середине и второй половине XII в. Их представляют русские летописи, в том числе и в связи с деятельностью князя-изгоя Ивана Берладника в 1144-1160 гг., и сочинения византийских авторов Никиты Хониата и Иоанна Киннама.

Данные русских летописей и других по происхождению источников, тематически связанные с Иваном Берладником, были проанализированы нами в специальной работе (Рабинович 1999; также 4 глава в кн: Тельнов, Степанов, Руссев, Рабинович 2002: 132-193). Здесь же отметим: если летописная Берладь (независимо от того, где она находилась – на территории современной Запрудской Молдовы или Добруджи) и была подвластна Теревовлю или Галичу, то только до 1144 года.

Прямое отношение к вопросу о южной границе Галицкого княжества имеет сообщение Никиты Хониата о бегстве из Константинополя Андроника Комнина в 1164 г. Вот ставший уже хресто-

матийным фрагмент из его сочинения: «Когда Андроник считал себя уже вне опасности, так как уже скрылся от преследователей и достиг пределов Галиции, куда стремился как в спасительное убежище, тогда-то именно он и попадает в сети ловцов» (Никита Хониат 1860:165-166). Давно и остро дискутируемый сюжет. На основании этого фрагмента из сочинения Никиты Хониата мы можем полагать, что в 1164 г. южная граница Галицкого княжества не проходила по Дунаю, по крайней мере, на том участке его берега, где переправлялся Андроник (детальный анализ этого сюжета и соответствующей историографии сделан нами в монографии, посвященной волошской проблеме, - Рабинович 2000).

О том, что в середине XII в. границы Галицкого княжества не достигали Дуная, также свидетельствует известие Иоанна Киннама об обстоятельствах похода императора Мануила I Комнина в 1148 г. против половцев на левый берег Дуная.

Император узнал, что половцы на правом византийском берегу разграбили несколько провинций, взяли «важный город» Демничик и переправились обратно на левый берег реки, где неподалеку и поставили свой лагерь. Император решил нанести внезапный удар по лагерю половцев и переправился через Дунай с помощью легких однодеревков местных жителей, в т.ч. и города Демничик. Но двигаясь дальше, уже на левом берегу Мануил вынужден был переправиться еще через две судоходных реки. После переправы Мануил с войском, «преодолев довольно значительное пространство, дошли вплоть до горы Тенуорм, лежащей близ пределов земли тавроскифской». Здесь и были настигнуты византийцами половцы. Последние потерпели поражение. Часть половцев погибла или была взята в плен, а часть спаслась «благодаря быстроте коней и лесистым горам, которые тянутся там во множестве». (Киннам 1859: 101-104; Литаврин 1972: 100-101).

Итак, определимся с географией. Мануил переправился через Дунай, а затем еще через две реки, потом прошел длинной равниной до горы, которая находилась возле галицкой границы. Одно-го взгляда на карту достаточно, чтобы понять: Мануил после переправы через Дунай двигался через Днестровско-Карпатские земли, сохраняя общее направление на север. Другие варианты просто невозможны. Небольшую загадку представляют упомянутые Киннамом две реки. Загадку действительно небольшую, поскольку и выбор небольшой: этими реками могли быть Сирет, Бырлад и Прут. Отвечает характеристике Киннама и ландшафт - «лесистые горы ... во множестве» - обычному в Восточном Прикарпатье - бесконечной череде высоких холмов, поросших лесом.

Заслуживает внимания и «важный город», разграбленный половцами на правом берегу Дуная - Демничик. В его звучании легко узнать знаменитый подунайский город с именем Дичин, Дцин, Дичин, Вичин, Дисина русских летописей, греческих, арабских, итальянских источников, расположенный, как выяснилось в результате почти столетних дискуссий, в районе современных Галаца и Рени (совр. г.Мэчин), в месте разветвления Дуная на рукава. (Коновалова 1991: 44-46).

Отождествление Демничика и Дичина само по себе не является доказательством гипотезы о месте, где произошли события, рассказанные Киннамом, оно просто логично дополняет все вышеизложенное.

На основании анализа этого сообщения можно с уверенностью предполагать, что в 1148 г. граница Галицкого княжества не проходила по Дунаю, а располагалась значительно севернее, видимо, там, где и указывают ее русские летописи. Византийцы проделали большой путь на конях - переправа через две реки, большая по протяженности равнина, - прежде чем они достигли галицких границ.

Заслуживает внимания, что Киннам ничего не сообщает о местном оседлом населении на левобережье Дуная. Создается впечатление, что оно действительно было очень редким в данном регионе в указанное время, впечатление, хорошо подтверждаемое археологическими изысканиями. Свобода же поведения половцев на дунайском левобережье наглядно демонстрирует их полную власть над этим регионом и полную незащищенность его редкого населения.

Киннам предоставляет в наше распоряжение еще одно известие, которое подтверждает высказанное в результате анализа предыдущих сообщений его самого и Никиты Хониата.

В 1166 г. во время очередной византийско-венгерской войны император Мануил Комнин разделил перед походом свои войска на две части. Одно войско, возглавляемое царевичем Алексеем, «должно было показать вид гуннам (венграм - Р.Р.), что хотят напасть на них опять из прежних, обыкновенных военных пунктов». Другое войско, возглавляемое Ватацом, должно было «зайти с другой стороны ... вторгнуться в земли гуннов из мест, лежащих у так называемого Евксинского понта, откуда никто никогда, с первых веков, не нападал на них. Итак, Алексей с одним римским войском пришел к Дунаю и, как бы готовясь здесь к переправе, навел на гуннов страх; а Ватац вторгнулся в гуннскую землю из указанных мест и, беспощадно опустошая и разрушая все попадавшее-

ся, умертвил множество людей и не меньше взял их в плен... и возвратился к царю. Но царь, желая нанести врагам и вторичный удар, опять выслал против них войско и приказал напасть с горных возвышенностей на принадлежащую гуннам Тавроскифию.... Они, в непродолжительное время совершив путь на пространстве нескольких десятков миль по местам непроходимым и странам безлюдным, вторглись в землю гуннов и, нападая на многие весьма многолюдные деревни, захватили большое количество добычи, умертвили много народа, а еще больше взяли в плен...» (Киннам 1859: 288-290).

Данный фрагмент также незаслуженно редко привлекался исследователями. Указание на то, что Алексей, отвлекая внимание венгров, готовился к переправе через Дунай в традиционном при нападениях месте (Сербия), а Ватац - из так называемого Евксинского понта, делает достаточно обоснованным мнение, что Ватац при своем походе прошел через Карпато-Днестровские земли. Он переправлялся через Дунай, по-видимому, в самых низовьях, в районе традиционной, существовавшей тысячелетия переправы возле Исаки (Новиодунум). Любопытно указание Киннама на то, что из этих мест никто не нападал на венгров с первых веков. Имеется в виду, конечно, со времени пребывания венгров в Карпато-Дунайском пространстве и их давних сражений с болгарами и печенегами. Византийцы совершили, возможно, даже два перехода через Карпато-Днестровские земли, поскольку под принадлежащей венграм Тавроскифией, на которую напали с горных вершин, логичнее всего видеть территорию современного Закарпатья. Трудно определить, через какие карпатские перевалы проходило войско Ватаца, проникая в Трансильванию. Но что характерно, византийцы, по всей видимости, не входили в пределы Галицкого княжества. Этот факт Киннам должен был бы отметить.

Таким образом, и это сообщение Киннама опровергает точку зрения о галицкой границе по Дунаю для периода 1166 г., а сведения Киннама не противоречат, а соответствуют сведениям Никиты Хониата, относящимся к 1164 г.

Относящиеся ко второй половине XII и началу XIII в. летописные сообщения о галицких городах, а также и другие источники позволяют еще с большей очевидностью судить, где же проходила на юге граница Галицкого княжества. Мнение, будто бы Галицкое княжество достигало Дуная, основано на трех источниках: грамоте князя Ивана Берладника, «Списке городов русских» Воскресенской летописи и фрагменте из поэмы «Слово о полку Игореве» (Котляр 1985: 98). Можно согласиться с Н.Ф. Котляром,

что ни грамота Берладника (вопрос о ее аутентичности – Рабинович 1999), ни «Список городов» не свидетельствуют о галицких границах. Они свидетельствуют лишь о том, что некоторые подунайские города были населены русскими².

Единственным источником, указывающим на галицкие границы по Дунаю, остается фрагмент из поэмы «Слово о полку Игореве». Автор «Слова» обращается к галицкому князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу:

«Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ злокованнемъ столе, подперъ горы Угорскыи свои железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная» («Слово о плъку Игореве» 1995: 12).

Нельзя забывать, что «Слово» – это произведение художественного, поэтического жанра. От него нельзя требовать документальной точности. И видимо прав Н.Ф. Котляр, говоря, что не может литературное произведение, выступая единственным источником, служить основанием для утверждений в таком сложном вопросе, в то время как другие источники говорят об обратном (Котляр 1985: 98-99)³.

Толкования указанного отрывка из «Слова о полку Игореве» многочисленны, противоречивы и спорны.

В различных списках и копиях «бросаются», «мечутся» не «времены» а «бремены», которые некоторыми исследователями трактуются как «бремя», «тягости». В первом издании не «затворивъ Дунаю ворота», а «затвори въ Дунаю...», что, естественно, несколько меняет весь смысл (Творогов 1995: 156-157). Выражение «подпер горы угорские» невольно вызывает ассоциацию, что Ярослав должен был это сделать «снизу» Карпат, то есть южнее Карпатской котловины, а не «сверху», как получается, если иметь в виду географическое расположение Галицкого княжества по отношению к Карпатам и Венгрии. Но самые большие подозрения вызывает выражение «ворота Дунаю».

В Европе есть уникальное, единственное в своем роде место, где река Дунай устремляется ... в горы, в чрезвычайно суженное место, называемое с древнейших времен Железными Воротами. Они разрывают горы и отделяют Южные Карпаты от Балканской Старой Планины. Железные Ворота фигурируют в письменных памятниках самой ранней известной нам письменной традиции. Во все времена это был стратегически важнейший пункт Юго-Восточной Европы. Учитывая выражения автора «Слова» о «железных полках, подпирающих горы угорские», то есть с юга, и выра-

жение «заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота», можно предполагать, что Ярослав, учитывая его «сложные отношения» с Венгерским королевством, делал попытки овладеть именно этим важнейшим в регионе стратегическим пунктом⁴.

Но предположим, что выражение «затворить Дунаю ворота» относится к низовьям Дуная, то есть это метафора, не имеющая отношения к реальным дунайским Железным Воротам. Ярослав был заинтересован в том, чтобы обстановка в низовьях Дуная была для него благоприятная. Именно здесь буйствующая вольница грабила купеческие корабли и «пакостила» галицким рыболовам в совсем недавние для него времена Ивана Берладника. Овладение нижнедунайскими городами в районе придунайских озер и месте разветвления Дуная на рукава вовсе не означает, что южная граница Галицкого княжества доходила до Дуная.

Между городами дунайского побережья и территорией собственно Галицкого княжества оставался район Карпато-Днестровских земель, который, исходя из анализа летописных текстов, никак нельзя включать в «государственную» территорию Галицкой Руси. Не следует забывать, что вторая половина XII в., особенно его последняя четверть, ознаменовалась чрезвычайной активностью и агрессивностью в регионе половцев. (Ситуация с возможным Галицким анклавом на Нижнем Дунае, возможно, близка к положению Олешья, Тмутаракани и Белой Вежи, оторванных от основной территории русских земель).

Исследователи, обращавшиеся к анализу летописных известий для выяснения вопроса о южной границе Галицкого княжества, на основании упоминания городов и пограничных крепостей Галицкой земли пришли к выводу, что граница Галицкой земли на юге проходила в Верхнем Попрутье и Поднестровье в районе реки Ушица. Пограничными пунктами, по их мнению, были города и замки Василев, Онут, Бакота, Ушица, Калиус. Лишь один Кучелмин представлял собой выдвинутый в «поле», на правый берег Днестра, форпост, сторожевой опорный пункт. (Молчановский 1883: 83-93; Батюшков 1892: 37-39; Середонин 1916: 184-186; Насонов 1951: 142; Раппопорт 1967: 177; Шушарин 1972: 169-170; Федоров 1974: 122; Котляр 1985: 107-109; Spinei 1994: 77-78).

Впрочем, необходимо учитывать мнение П.А. Раппопорта, что Галицкое княжество на юго-востоке не имело постоянной твердо зафиксированной границы (Раппопорт 1967: 177).

В связи с резко возросшей активностью половцев в Нижнем Подунавье к концу XII в. следует предположить, что в состав Галицких земель в конце XII - первой трети XIII в. могли входить

только северные районы Карпато-Поднестровья. Исходя из сведений Бартоломея Английского (перв. пол. XIII в.), можно предположить, что Карпато-Днестровские земли в представлении этого средневекового автора входили в область Галицкой Руси. Но при этом какая-то южная степная часть Карпато-Поднестровья входила в обширнейшую область Аланию (Матузова 1979: 89-96). Трудно, конечно, судить, предполагал ли Бартоломей Английский в этом регионе только русское население или имел в виду и государственную принадлежность этих территорий Галицкой Руси. Например, его соотечественник и современник Роджер Бэкон указывает, что Кумания, простирающаяся от Дона до Дуная на западе, граничит с Венгрией и Польшей (Матузова 1979: 212), что заставляет предполагать политический контроль половцев над большей частью Карпато-Днестровских земель в первой половине XIII в. Любопытно и свидетельство французского автора, пользовавшегося латиноязычными венгерскими хрониками. В записи под 1221 г. он локализовал половецкую землю «за Венгрией и в областях Руси» (Шушарин 1972: 170).

Таким образом, мы имеем реальное свидетельство того, что многие авторы отразили в своих сообщениях не государственную принадлежность Карпато-Днестровских земель, а этнический облик населения, которое могло находиться в зоне политического господства номадов.

Косвенным признаком того, что Галицкое княжество в конце XII - первой половине XIII в. не включало в себя территории между Карпатами и средним и нижним течением Днестра, может служить чрезвычайная активность Венгрии по «освоению» Восточного Прикарпатья. Венгерское королевство проводит активную колонизационную политику в регионе в этот период, для борьбы с половцами приглашает Тевтонский орден, затем после 1223 г. с согласия папской курии учреждает специальную половецкую епископию, делает попытку католицизировать бродников, способствует венгерско-немецкой колонизации Восточного Прикарпатья.

Источники дают основания полагать, что даже в период своего наибольшего могущества в регионе половцы не охватывали своей властью всю территорию Карпато-Поднестровья. Очевидец похода одного из монголо-татарских отрядов, двигавшихся в Венгрию в 1241 г., Рогерий свидетельствует, что «в северной части территории Молдовы имелся горно-лесистый район, не принадлежащий ни половцам, ни галицким князьям». Монгольское войско достигло границы Венгрии в районе города Родны, «пройдя в

течение трех дней лесами между Русью и Куманией» (Шушарин 1972: 170-171).

Мы умышленно не рассматривали сведения письменных источников о группах населения, которые фигурируют под названиями берладники, бродники, галицкие выгонцы, поскольку сделали это в специальных работах (Рабинович 1999; Тельнов, Степанов, Русев, Рабинович 2002: 132-209). Здесь же отметим, что ни одно из сообщений о них не дает оснований считать, что над территорией современной Молдовы в 1140-1240 гг. осуществлялся хоть сколько-нибудь длительный контроль Галицкого княжества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археологические изыскания А.О. Добролюбского показывают, что выделение среди кочевнических средневековых древностей региона половецких очень проблематично. Достоверно половецкие погребения в Карпато-Поднестровье не зафиксированы. Основным кочевым населением и в XI-XII вв. и в золотоордынское время в этом регионе было печенежско-торчешское (Добролюбский 1982: 28-39; 1985: 193-194; 1986: 58). С.А. Плетнева на основе картографирования половецких каменных изваяний пришла к выводу, что западным пределом половецких кочевий была река Ингулец, а непосредственное их влияние могло на западе достигать Южного Буга (Плетнева 1974: 18-19; 1975: 271-277). В связи с распространением половецких изваяний интерес представляет находка В.Д. Гукиным каменной стелы в Старом Орхее, которую он идентифицировал как половецкое изваяние и датировал концом XI - началом XII в. Весьма показательно, что изваяние не было связано с погребальным памятником (что могло свидетельствовать в пользу постоянного кочевания), а выполняло, по мнению исследователя, роль указателя брода через реку Реут (Гукин 1991: 68-72).

2. Правомерно ли говорить, что подунайские города Грамоты Берладника и «Списка» в XII-XIII вв. были русскими? В Грамоте Берладника местные товары противопоставляются чешским, венгерским и русским товарам. Поэтому логически правильнее было бы считать города Берладника болгарскими или византийскими. Андрей Боголюбский в 1174 г. изгонял Давида Ростиславовича в Берладь, подчеркивая, что ему нет места в Русской земле. Что касается «Списка городов», то давно замечено, что в него включены города по Дунаю, захваченные когда-то Святославом (Барсов 1885:

114). В них действительно проживало русское население, но наряду с другими этносами. На полиэтничность населения подунайских городов указывали Михаил Атталиат, Анна Комнина, Скилица и др. авторы.

3. Возможно, что «Слово о полку Игореве» - не единственное произведение художественной литературы, указывающее на Дунай как на границу между Византией и Галицкой Русью. В сочинении германского писателя Готфрида Витербоского «Пантеон», написанного в 1186 г., сообщается следующее: «Гостеприимная земля безвозмездно дает свои пиршества посевам. Там изобилие плодородных виноградников и полей, деревьев, лугов, рек, рыб, озер. Там Дунай находит свой первый исток, а Венгрия, Рутения, Греция дают ему прибежище. Граница его находится в Итальянских Альпах» (Латиноязычные источники 1990: 346).

Сочинение Готфрида по времени написания и художественному стилю изложения предельно близко русскому «Слову о полку Игореве». Видимо, трудно ожидать от поэтов точного показа в художественных произведениях территориальных границ тех или иных политических образований. Германский поэт мог также иметь в виду соседство византийского и русского населения (подунайские города, Берладь) на правом, византийском, берегу Дуная.

4. Политическая обстановка к этому располагала. С одной стороны, возрастающая активность Венгрии в Трансильвании и Прикарпатье, которая не могла не беспокоить Ярослава, а с другой, период антивизантийского восстания болгар Петра и Асеня, когда Византия полностью была поглощена внутренними проблемами. Выражение «суды рядить» до Дуная в этом контексте, возможно, имеет другой смысл - в пункте, где соприкасались границами и сталкивались интересами Сербия, Византия и Венгрия, роль галицкого князя могла напоминать роль «третьей стороны» или, говоря современным языком, роль политического наблюдателя.

ЛИТЕРАТУРА

Барсов Н.П. 1885. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд.2. Варшава.

Батюшков П.Н. 1892. Бессарабия. Историческое описание. Санкт-Петербург.

Васильевский В. 1872. Византия и печенеги (1048-1094) // ЖМНП, ч. CLXIV ноябрь, с.116-165; декабрь, с. 243-332.

Гукин В.Д. 1991. Половецкое изваяние из Старого Орхея // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев, «Штиинца», с. 68-72.

Диакон Лев 1988. История. Перевод М.М.Копыленко, статья М.Я.Сюзюмова, комментарий М.Я.Сюзюмова, С.А.Иванова, Москва, «Наука».

Добролюбский А.О. 1982. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, «Наукова думка», с. 28-39.

Добролюбский А.О. 1985. Об археологическом изучении средневековья в Молдавии // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, «Штиинца», с. 189-197.

Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, «Наукова думка».

ИМ - История Молдавской ССР, 1987. В 6 т., т.1, Кишинев, «Карта Молдовеняск».

Киннам Иоанн 1859. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180). Труд Иоанна Киннама. Пер. под редакцией проф. В.Н. Карпова. Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной Академии. Санкт-Петербург.

Комнина Анна 1859. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). Перевод под редакцией проф. В.Н.Карпова. Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной Академии [кн.2]. Санкт-Петербург.

Комнина Анна 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского, Москва.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год. Москва, «Наука», с. 5-115.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. Москва, «Памятники исторической мысли».

Константин Багрянородный 1989. Об управлении империей. Москва.

Котляр Н.Ф. 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, «Наукова думка».

Латиноязычные источники 1990 - Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Середина XII - середина XIII в. 1990. Составление, перевод, комментарий М.Б. Свердлова. Москва-Ленинград.

Левченко М.В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, Издательство АН СССР.

Литаврин Г.Г. 1972. Влахи византийских источников X-XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, «Штиинца», с. 91-138.

Литаврин Г.Г. 1972а. Русь и Византия в XII в. // ВИ, № 7, с. 36-52.

Матузова В.И. 1979. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. Москва, «Наука».

Молчановский Н. 1883. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. (Преимущественно по летописям). «Студента». Киев.

Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Москва.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, «Штиинца».

Пашуто В.Т. 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Москва, Издательство АН СССР.

Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. Москва, «Наука».

Перхавко В.Б. 1996. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, с. 70-75.

Плетнева С.А. 1974. Половецкие каменные изваяния. САИ, вып. Е4-2, Москва.

Плетнева С.А. 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. Москва, «Наука», с.260-300.

ПВЛ 1950 - «Повесть временных лет», 1950. Ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. Москва-Ленинград, Издательство АН СССР.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. 1962. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва, Издательство восточной литературы.

Пселл Михаил 1978. Хронография. Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. Москва, «Наука».

Рабинович Р. А. 1999. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // Stratum Plus, № 5 «Неславянское в славянском мире», Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса, с. 357-378.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или балканские волохи и русские вихвы // Stratum Plus, № 5 «Великая Скуфь», Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест, с. 262-390.

Раппопорт П.А. 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА, 140, Ленинград, «Наука».

Рыбаков Б.А. 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК, № 43, с. 3-44.

Середонин С.М. 1916. Историческая география. Лекции, читанные в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Петроград.

«Слово о полку Игореве» 1995 // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» в пяти томах, т.1. Санкт-Петербург, издательство «Дмитрий Буланин», с. 9-14.

Творогов О.В. 1995. «Бремя» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» в 5 т., т.1, Санкт-Петербург, с. 156-157.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. 2002. «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.

Тихомиров М.Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. Москва, ОГИЗ, с. 125-201.

Успенский Ф. 1879. Образование Второго Болгарского царства. Одесса.

Федоров Г.Б. 1970. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. II, Sofia, p. 687-702.

Федоров Г.Б. 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Рукопись. Хранится в архиве Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, «Наука».

Хониат Никита 1860. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Том I (1118-1185). Перевод под редакцией профессора В.И. Долоцкого. Византийские историки. Санкт-Петербург.

Шушарин В.П. 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья IX-XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, «Наукова думка», с.166-179.

Diaconu P. 1976. Despre situatia politica la Dunarea de Jos in secolul al XII-lea // SCIVA, № 3, p. 293-307.

Diaconu P. 1978. les coumans au Bas-Danubeaux XI et XII siecles. Bucuresti.

Frances E. 1959. Les relations russo-byzantines au XII siecle et la domination de Galicie au Bas-Danube // Byzantinoslavica, № I, p. 50-62.

Spinei V. 1974. Antichitatile nomazilor turanici din Moldova in primul sfert al mileniului al II-lea // SCIV(A), 25, № 3.

Spinei V. 1985. Realitati etnice si politice in Moldova Meridionala in secolele X-XIII. Romani si turanici. Iasi.

Spinei V. 1986. Moldova in the 10th-14th Centuries. Bucuresti.

Spinei V. 1994. Moldova in secolele XI-XIV. Chisinau, Universitas.